46 201

Н. Ѳ. Аренъевъ.

ПЕРВЫЙ
ОБЛАСТНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ
ВЪ РОССІИ.

БИБЛІОТЕКА АКАДЕМІИ НАУКЪ ПЕРВОЕ ОТДѢЛЕНІЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. П. Сойкина, Стремянная ул., № 12.
1904.

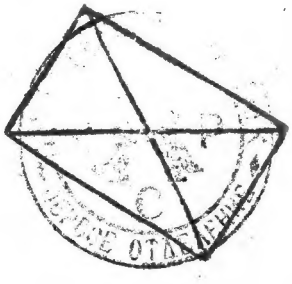
346 201

Н. Ф. Аренъевъ.

ПЕРВЫЙ

ОБЛАСТНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ

ВЪ РОССІИ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. П. Сойкина, Стремянная ул., № 12.
1904.

Напечатано по распоряженію С.-Петербургскаго Археологическаго Института.

Директоръ *Н. Покровскій.*

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

702690

Первый областной археологическій съѣздъ въ Россіи.

Начало новаго вѣка ознаменовалось важнымъ событіемъ въ дѣлѣ развитія историческихъ знаній въ Россіи. Мы имѣемъ въ виду *Первый областной съѣздъ изслѣдователей исторіи и древностей Ростово-Суздальской земли въ г. Ярославлѣ.* Являясь новымъ средствомъ къ изученію исторіи и древностей данной области, этотъ съѣздъ представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и новую ступень въ изученія общей исторіи нашего отечества.

„До шестидесятыхъ годовъ наши историки не обращали вниманіе на областное различіе и разсказывали о событіяхъ какого то однороднаго русскаго государства, продолжающагося отъ Рюрика до настоящаго времени, говорилъ директоръ юридическаго лицея проф. Шпилевскій въ своемъ привѣтствіи съѣзду отъ имени этого учрежденія. Всѣ особенности положенія и факты подводились тогда подъ одну идею правительственно-государственнаго централизаціоннаго развитія. Только съ начала 60-хъ годовъ наши историки начали указывать на важное значеніе для русской исторіи самостоятельнаго развитія отдѣльныхъ областей. Въ 1861 г. въ этомъ смыслѣ высказались сначала Костомаровъ, а затѣмъ и Щаповъ. Первый заявилъ, что древній русскій государственный строй представляетъ политическія общества, которыя сохраняя каждое свою самобытность, не теряли между собой связи и единства, выражаемаго ихъ совокупностью А Щаповъ говорилъ, что русская исторія въ самомъ основаніи своемъ есть по преимуществу исторія областей, разнообразныхъ провинціальныхъ массъ народа. Три года позже И. Е. Забѣлинъ объяснялъ, что до тѣхъ поръ, пока областныя исторіи съ ихъ

памятниками не будутъ раскрыты и подробно разсмотрѣны, до тѣхъ поръ всѣ наши историческія заключенія о существѣ нашей народности и ея различныхъ историческихъ и бытовыхъ проявленіяхъ будутъ голословны, шатки, даже легкомысленны".

„Въ настоящее время наши историки твердо убѣждены въ необходимости изученія исторіи русскаго народа по развитію областей и въ возможности *такимъ* лишь путемъ придти къ правильнымъ общимъ выводамъ относительно исторіи всего государства. Необходимость такого рода областного изученія исторіи Россіи въ настоящее время признается и въ интересахъ общегосударственныхъ.

„Движеніе въ вышеуказанномъ направленіи въ исторической наукѣ имѣло огромное и благотворное послѣдствіе. Начиная со второй половины прошлаго столѣтія и до настоящаго времени на пользу изученія мѣстныхъ древностей направлена дѣятельность и отдѣльныхъ лицъ и правительственныхъ учрежденій и ученыхъ обществъ и бывшихъ до сихъ поръ одиннадцати археологическихъ съѣздовъ. Дѣятельность отдѣльныхъ лицъ была направлена прежде всего на изученіе исторіи отдѣльныхъ областей. Здѣсь, начиная съ 50-хъ годовъ съ „Исторіи Нижняго Новгорода" Хронцовскаго, необходимо упомянуть о трудахъ Иловайскаго („Исторія Рязанскаго княжества" 1860 г.), Смирнова („Исторія Галицкой Руси"), Бѣляева („Разсказы изъ русской исторіи"; въ намѣреніе автора входило дать исторію всѣхъ княжествъ, вошедшихъ въ составъ Московскаго государства, но онъ успѣлъ написать только исторію Новгорода, Пскова и Полоцка, т. е. сѣверо-западной Руси), Костомарова („Изслѣдованія по исторіи Новгорода"), Никитскаго („Исторія города Пскова"), Борзаковскаго (Исторія Тверского княжества"), Корсакова („Меря и Ростовское княжество") и, наконецъ, Антоновича, съумѣвшаго создать цѣлую школу изъ своихъ бывшихъ слушателей, занявшихся изученіемъ исторіи русскихъ областей, вошедшихъ въ составъ великаго княжества Литовскаго, исторіи земель: Кіевской, Сѣверской, Переяславской, Волынской, Подольской, Дреговичской, Смоленской и Полоцкой. Что касается до провинціальныхъ учрежденій и ученыхъ обществъ, то многія изъ нихъ имѣютъ своею задачею изученіе мѣстныхъ древнихъ памятниковъ, письменныхъ и вещественныхъ, и въ спеціальныхъ изданіяхъ ими напечатано не мало текстовъ памятниковъ

письменныхъ, описаній памятниковъ вещественныхъ и многія историко-археологическія изслѣдованія.

«Наконецъ, на пользу изученія мѣстныхъ древностей не мало сдѣлали и бывшіе всероссійскіе археологическіе съѣзды. Эти съѣзды признавали своею задачею изученіе древностей всего района, который исторически тяготѣлъ къ городу, гдѣ происходилъ съѣздъ; свидѣтельствомъ этому являются труды этихъ съѣздовъ, заключающіе въ себѣ не мало историко-археологическихъ изслѣдованій, относящихся къ району того или другого съѣзда.

Отдавая должную дань уваженія археологическимъ съѣздамъ за ихъ вниманіе къ областнымъ вопросамъ нашего отечества, необходимо, однако, признать, что эти съѣзды не могли дать въ этомъ отношеніи многаго. Имѣя предъ собою сложныя и разнообразныя задачи общаго, и, нерѣдко, чисто теоретическаго характера, эти съѣзды не могли обращать должнаго вниманія на вопросы мѣстнаго значенія и такимъ образомъ не давали почвы для объединенія работъ этого рода. Необходимо было создать такой органъ, такое учрежденіе, которое могло бы объединить мѣстные труды по изслѣдованію древностей даннаго края, создать большую непосредственную связь между отдѣльными его работниками въ области мѣстной исторіи и археологіи, чѣмъ какая существовала; могло бы поднять интересъ къ изученію мѣстнихъ древностей, возбудить къ усиленію историко-археологическихъ занятій, привлекая къ этому мѣстныхъ спеціалистовъ и даже открывая новыхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ. Опытъ показалъ, что существующихъ такъ называемыхъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій для этой задачи недостаточно, къ тому же эти учрежденія сами нуждаются въ единеніи и руководительствѣ.

Ученыя архивныя комиссіи [1]) учреждены по плану незабвеннаго основателя и перваго директора Археологическаго Института Н. В. Калачева, на основаніи Высочайше утвержденнаго положенія комитета министровъ 13-го апрѣля 1884 года. Учрежденіемъ этимъ были поставлены двѣ цѣли: составленіе мѣстныхъ историческихъ архивовъ и собираніе свѣдѣній о древностяхъ даннаго края. Но само собою разумѣется, что при возник-

[1]) И. Е. Андреевскій, о дѣятельности ученыхъ архивныхъ комиссій. „Вѣстн. Археол. и Исторіи“ за 1888 и 1890 гг.

новеніи комиссій, могли быть установлены лишь основные черты ихъ организаціи. Не было преподано комиссіямъ и въ послѣдующее время никакихъ ближайшихъ указаній, которыя могли бы обезпечить успѣшное выполненіе возложенныхъ на нихъ обязанностей. Такое положеніе дѣла привело къ тому, что каждая комиссія была предоставлена самой себѣ и потому занятія той или другой изъ нихъ получили то направленіе, которое было придано имъ въ зависимости отъ кругозора и воззрѣній отдѣльныхъ лицъ, становившихся иногда случайно во главѣ той или другой комиссіи. Вотъ почему мы видимъ, что одни изъ нихъ занимались составленіемъ музеевъ, другіе являлись лишь мѣстомъ храненія присылавшихся изъ различныхъ мѣстныхъ учрежденій старыхъ дѣлъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ комиссіямъ удавалось собрать вокругъ себя энергичныхъ и талантливыхъ работниковъ, дѣятельность которыхъ выдѣлилась изъ ряда другихъ; но вообще нигдѣ комиссіи не возвысились до значенія ученыхъ учрежденій, которыя могли бы быть признаны вполнѣ компетентными въ возложенномъ на нихъ дѣлѣ.

Вступивъ въ широкую область памятниковъ отечественной старины, ученыя архивныя комиссіи на первыхъ же порахъ стали чувствовать необходимость въ созданіи единенія между работами различныхъ комиссій. Это единеніе и выразилось въ различныхъ формахъ: въ избираніи въ свою среду членовъ другой комиссіи въ надеждѣ найти въ нихъ помощь для собственныхъ работъ; въ командировкѣ своихъ сочленовъ въ засѣданія другихъ, чтобы получить точное ознакомленіе съ методами и работами другихъ. Значительнымъ коррективомъ въ неопредѣленномъ положеніи для комиссій служила также и отношеніе къ нимъ Археологическаго Института, хотя бы простымъ, но постояннымъ сопоставленіемъ пріемовъ и методовъ ихъ работъ и разсмотрѣніемъ всего, что каждая комиссія ежегодно совершаетъ.

Опытъ цѣлаго ряда лѣтъ жизни и дѣятельности ученыхъ архивныхъ комиссій однако указалъ, что перечисленныхъ способовъ недостаточно для урегулированія вышеуказаннаго ихъ положенія. Такъ вслѣдствіе отсутствія единообразія въ изслѣдованіяхъ по отдѣльнымъ губерніямъ вопросовъ мѣстной археологіи, исторіи и этнографіи нерѣдко терялось непроизводительно много труда, при этомъ разработка безъ общей системы и программы давала очень часто результаты не только не сходные, но иногда

совершенно различные [1]). Такъ напр бывшій предсѣдатель Костромской губернской архивной комиссіи Статсъ-Секретарь Селифонтовъ посвящалъ свои труды изслѣдованію вопроса о мѣстонахожденіи вотчинъ бояръ Романовыхъ. Совершенно случайно онъ узналъ, что вопросъ этотъ уже нашелъ себѣ разрѣшеніе въ предѣлахъ Владимірской губерніи. Мѣсто исторической битвы съ татарами на рѣкѣ Сити опредѣлено изслѣдованіями тверской ученой архивной комиссіи въ Кашинскомъ уѣздѣ, близъ села Баженки, а Ярославскіе изслѣдователи убѣждены, что оно находится въ Мологскомъ уѣздѣ, близъ села Брейтова Далѣе, изъ раскопокъ могильниковъ Ярославской губерніи обнаружилось, что первоначальными насельниками Ростовской области были не меря какъ о томъ свидѣтельствуетъ Готскій писатель Іорнандъ и позднѣе лѣтописецъ Несторъ, а народъ, вѣроятно, кельтическаго племени. Слѣды этого племени несомнѣнно сохранились также и въ мерянскихъ курганахъ, которые большими группами стоятъ въ губерніяхъ: Костромской, Владимірской и Тверской. Совмѣстное изслѣдованіе ихъ дѣятелями сосѣднихъ архивныхъ комиссій, по заранѣе выработанной программѣ несомнѣнно пролило бы свѣтъ на этотъ важный вопросъ и двинуло бы впередъ археологію сѣвера. Много и другихъ вопросовъ въ области археологіи, этнографіи и исторіи требуютъ совмѣстной разработки и постояннаго общенія между дѣятелями сосѣднихъ комиссіи, какого въ настоящее время нѣтъ. Наконецъ не можетъ конечно замѣнить это живое общеніе и единеніе чтеніе трудовъ комиссіи, уже потому, что труды эти печатаются не всѣми комиссіями.

Необходимо было изыскать новое средство, которое отвѣчало серьезнымъ запросамъ важной и отвѣтственной роли ученыхъ архивныхъ комиссіи. Такимъ средствомъ безспорно и являются областные съѣзды дѣятелей одного района, однороднаго въ историко-археологическомъ отношеніи связаннаго во многомъ одними традиціями. Съѣзды такихъ дѣятелей, если они будутъ повторяться періодически, не только должны создать непосредственную связь между силами, которыя теперь работаютъ одиноко, но явятся тѣмъ учрежденіемъ, которое установитъ взаимное вліяніе архивныхъ комиссій, выработаетъ для нихъ систематическій планъ общей работы и дастъ новыя и дѣйствительныя средства къ ея выполненію.

---

[1]) Ж. общ. собр. членовъ Костромской губ. учен. архивн. комиссіи засѣданіи 7 сент. 1900 г.

Мысль о необходимости періодическаго созванія областныхъ съѣздовъ изъ представителей тѣхъ губерній, историческія судьбы которыхъ тождественны, принадлежитъ ярославской губернской архивной ученой комиссіи и ея непремѣнному предсѣдателю, бывшему мѣстному губернатору Б. В. Штюрмеру.[1]). На сѣверѣ Россіи, составляющемъ нынѣ губерніи Ярославскую, Костромскую, Владимірскую, Нижегородскую и Тверскую, въ предѣлахъ бывшихъ Ростово-Суздальскаго и Владимірскаго княжествъ, работаютъ пять архивныхъ комиссій. Археологія, этнографія и историческая географія этихъ сѣверныхъ губерній и ихъ историческія судьбы совершенно однородны. Въ предѣлахъ ихъ сложилось Великорусское племя, которое сплотило въ одно цѣлое и славянскихъ насельниковъ и народы финскаго племени и создало сначала единовластіе, а затѣмъ и единодержавіе. Но, какъ извѣстно, до сихъ поръ исторія образованія великорусскаго племени еще не написана, до сихъ поръ еще не собраны во едино тѣ данныя по археологіи, этнографіи, этнологіи и исторической географіи, которыя проливаютъ свѣтъ на ходъ развитія этой исторіи. Не установлены еще въ точности спеціальныя научныя задачи, къ исполненію которыхъ изслѣдователи должны стремиться совмѣстно.

Выясненіе вышеназванныхъ вопросовъ, объединеніе разрозненныхъ по этому предмету работъ и дальнѣйшее ихъ развитіе и являются въ настоящее время главною цѣлью мѣстныхъ историко-археологическихъ учрежденій и должно составлять, по идеѣ Ярославской ученой архивной комиссіи, предметъ занятій мѣстныхъ областныхъ съѣздовъ.

На тему о роли и значеніи Ярославскаго съѣзда говорилъ въ своихъ привѣтствіяхъ въ день открытія съѣзда и высокопреосвященный Іоанафанъ, архіепископъ ярославскій и директоръ Археологическаго института Н. В. Покровскій.

„Область, лежащая въ междурѣчьи Волги и Оки, есть центръ всей Европейской Россіи, говорилъ досточтимый пастырь. Здѣсь впервые завязался тотъ узелъ нашей общественной жизни, съ которымъ теперь уже соединилось все населеніе Восточной Европы и Сѣверной Азіи. Я говорю о томъ, что здѣсь по тогдашнему,—въ странѣ лѣсовъ и болотъ, подъ вліяніемъ природы, если не скудной, то, по крайней мѣрѣ, очень умѣренной, въ глубокую древность мирно соединились двѣ націи: туземная

[1]) Теперь директоръ департамента общихъ дѣлъ министер. внутреннихъ дѣлъ.

финская и пришлая славянская; причемъ, думается, не малую долю играли и варяги. Нація славянская шла сюда сначала отъ Великаго Новгорода; въ странѣ финновъ она построила свои города, напр. Ростовъ, Суздаль, а потомъ въ XII вѣкѣ она стала надвигаться сюда отъ славнаго Кіева. Не могу не думать, чтобы это замѣчательное соединеніе народностей не оставило послѣ себя болѣе или менѣе глубокихъ слѣдовъ... Затѣмъ, здѣсь, въ междурѣчьи Волги и Оки, сказать можно, сложился у насъ тотъ политическій строй, которымъ доселѣ живетъ русскій народъ. Это я говорю о самодержавіи власти. Какъ извѣстно, начала самодержавія впервые были провозглашены именно здѣсь великимъ княземъ Андреемъ Боголюбскимъ и роднымъ братомъ его Всеволодомъ III. На думахъ и планахъ этихъ князей развилось потомъ и окрѣпло самодержавіе московскихъ князей и царей, такъ что при Великомъ Петрѣ московское царство было объявлено уже „Всероссійской Имперіей“. Не думаю также, чтобы и это замѣчательное возростаніе силы и могущества нашей Великой Державы не оставило своихъ слѣдовъ въ нашей мѣстности, которая стояла къ этому вопросу такъ близко... Сверхъ того мы знаемъ, что свѣтъ Христова ученія у насъ возсіялъ, можно сказать, немедленно послѣ крещенія Кіева. Такъ, проповѣдывать вѣру Христову въ Ростовѣ приходилъ самъ первый митрополитъ Михаилъ и съ нимъ четыре епископа. Затѣмъ въ XI вѣкѣ въ дѣлѣ проповѣди Христова ученія много трудились ростовскій святитель Леонтій и Богоявленскій архимандритъ св. Авраамій. Трудами и неусыпными заботами сихъ святыхъ мужей вѣра Христова утвердилась здѣсь прочно и памятниковъ церковныхъ здѣсь много. Что мы доселѣ узнали, то и хранимъ; но посмотрите своимъ ученымъ и опытнымъ взоромъ,—быть можетъ откроете и еще что-нибудь новое, посмотрите и объясните намъ, если чего-нибудь мы еще не понимаемъ или понимаемъ неправильно“.

Н. В. Покровскій въ своемъ привѣтствіи отъ имени Археологическаго Института выяснилъ значеніе Ростово-Суздальской области, какъ хранительницы національныхъ самобытныхъ началъ русскаго искусства въ области церковнаго зодчества и древней иконописи и мѣсто занимаемое въ этомъ отношеніи г. Ярославлемъ. „Я обращу Ваше просвѣщенное вниманіе на тѣ группы памятниковъ, сказалъ между прочимъ Н. В. Покровскій, которые служатъ лучшимъ украшеніемъ страны и которые языкомъ художественныхъ формъ повѣтствуютъ намъ о культурѣ

нашихъ предковъ,—разумѣю памятники искусствъ, особенно архитектуры и живописи. Древнѣйшихъ представителей ихъ мы видимъ во Владиміро-Суздалѣ, а эпоха блестящаго развитія ихъ на началахъ національности нашла наиболѣе яркое выраженіе въ Ярославлѣ. И нигдѣ, кромѣ Москвы съ ея сорока сороками церквей мы не найдемъ такого изобилія архитектурныхъ памятниковъ XVI—XVII в.в., какъ въ Ярославлѣ. Они построены здѣсь въ тѣхъ же самыхъ разнообразныхъ формахъ, что и храмы Москвы, естественнаго средоточія русскаго искусства въ блестящую эпоху его развитія. Сравнивая эти памятники, разсыпанные здѣсь щедрою рукою, мы замѣчаемъ, какъ сильно бился здѣсь художественный пульсъ и какъ онъ достигъ послѣдней степени напряженія въ роскошномъ храмѣ Іоанна Предтечи въ Толчковѣ. Внушительное величіе, стройная красота линій, роскошь и изобиліе архитектурныхъ деталей, разсыпанныхъ по всѣмъ поверхностямъ храма, три пятерицы золотыхъ маковицъ, роскошныя крыльца, изразцовыя украшенія разныхъ рисунковъ и колеровъ,—все это дѣлаетъ его единственнымъ русскимъ сооруженіемъ въ своемъ родѣ. Какъ храмъ Іоанна Предтечи, такъ почти и всѣ другіе Ярославскіе храмы обильно украшены настѣнною живописью .. Ярославскій съѣздъ собирается при лучшихъ предзнаменованіяхъ въ одномъ изъ крупныхъ центровъ нашей художественной старины; многое здѣсь уже уяснено, но многое еще покрыто мракомъ неизвѣстности. Много здѣсь старинныхъ иконъ, шитья, металлическихъ произведеній, рѣзьбы по дереву. Изученіе этой старины имѣетъ нетолько одно историческое значеніе, но и практическое: въ ней заключаются корни возрожденія нашего искусства въ духѣ національности: къ этому подъему направлены теперь наши лучшія художественныя и научныя силы".

Свои предположенія о созывѣ областного съѣзда Ярославская архивная комиссія сообщила сосѣднимъ комиссіямъ, и всѣ онѣ единодушно отозвались на этотъ призывъ. Первый сочувственный отвѣтъ былъ полученъ отъ Костромской архивной комиссіи, второй—отъ Тверской. Представители архивныхъ комиссій Владимірской и Нижегородской, а также изслѣдователи Вологодской старины, собрались въ Ярославлѣ въ мартѣ 1900 г. для совмѣстнаго съ Ярославскими дѣятелями обсужденія программы занятій областного археологическаго съѣзда, предположеннаго въ Ярославлѣ въ 1901 г. Выработанная этой смѣшан-

ной комиссіей программа распадалась на 40 вопросовъ, обнимавшихъ слѣдующіе отдѣлы: 1) Доисторическую древность, 2) Живую старину, 3) Наземные памятники, 4) Составъ населенія и 5) Вопросы архивовѣдѣнія и пріемовъ занятій губернскихъ архивныхъ комиссій. По отпечатаніи, программа эта была разослана губернскимъ архивнымъ комиссіямъ, а также и тѣмъ ученымъ обществамъ и учрежденіямъ, которыя выразили сочувствія мысли о созывѣ областного Ярославскаго съѣзда и тѣмъ историкамъ и археологамъ, труды которыхъ по исторіи и древностямъ области бывшей Ростово-Суздальской земли давали основаніе предполагать о возможномъ съ ихъ стороны участіи въ проэктируемомъ съѣздѣ. Благодаря разсылкѣ вышеупомянутой программы, вскорѣ выяснилось, что мысль объ организаціи областныхъ историко-археологическихъ съѣздовъ нашла себѣ сочувствіе далеко за предѣлами бывшаго Ростово-Суздальскаго и Владимірскаго края. На нее отозвались многіе выдающіеся представители отечественной археологіи и исторіи, которые и почтили съѣздъ своимъ присутствіемъ и приняли въ трудахъ его дѣятельное участіе.

Благодаря этой рѣдкой отзывчивости, первый опытъ созванія областного археологическаго съѣзда увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Съѣздъ собралъ въ тѣсную семью всѣхъ наиболѣе видныхъ дѣятелей въ области археологіи и исторіи пяти сосѣднихъ губерній, почти всю профессуру Демидовскаго юридическаго лицея во главѣ съ директоромъ учрежденія проф. Шпилевскимъ, и многихъ извѣстныхъ ученыхъ, среди которыхъ находились спеціалисты по разнымъ отраслямъ историческаго и археологическаго знанія: по первобытной доисторической археологіи предсѣдатель Императорской археологической комиссіи графъ А. А. Бобринскій, по христіанской археологіи директоръ Археологическаго Института проф. Н. В. Покровскій, по вопросамъ касающимся языка и живой старины, академикъ профессоръ А. И. Соболевскій, по исторической географіи проф. Е. В. Барсовъ и С. М. Середонинъ, по исторіи—профессора: С. Ѳ. Платоновъ, Д. И. Иловайскій, И. А. Шляпкинъ, Н. Д. Чечулинъ, М. И. Соколовъ и другіе.

Съѣздъ продолжался пять дней съ 10-го по 14-ое августа, Почетнымъ предсѣдателемъ съѣзда былъ избранъ тогдашній ярославскій губернаторъ гофмейстеръ Б. В. Штюрмеръ, предсѣдателемъ—директоръ Демидовскаго лицея С. М. Шпилевскій, почетнымъ

предсѣдателемъ послѣдняго засѣданія съѣзда въ г. Ростовѣ извѣстный историкъ Д. И. Иловайскій; предсѣдателемъ секціи доисторической археологіи—графъ А. А. Бобринскій, церковной археологіи—директоръ Археологическаго Института проф. Н. В. Покровскій, палеографіи и живой старины академикъ А. И. Соболевскій и исторіи—профессоръ С. О. Платоновъ, Н. Д. Чечулинъ и И. А. Шляпкинъ. Съѣздъ имѣлъ 8 засѣданій, на которыхъ было заслушано 23 реферата, написанные на разные вопросы программы съѣзда. Такъ, по *первобытной археологіи* было прочитано 4 доклада: графа А. А. Бобринскаго „О нѣкоторыхъ символическихъ знакахъ, общихъ первобытной орнаментикѣ всѣхъ народовъ Европы и Азіи“ и 3 доклада Н. М. Бекаревича: О каменномъ вѣкѣ, „Курганныхъ раскопкахъ“ и „Городищахъ“ въ Костромской губерніи; по *церковнымъ древностямъ* 5 докладовъ, три изъ нихъ касались необходимости охраненія памятниковъ христіанской археологіи, а именно священника о. Сильвестра Соколова „О мѣрахъ охраненія церковныхъ памятниковъ“, священника І. Я. Сырцова объ „Усыпальницѣ бояръ Годуновыхъ въ Ипатіевскомъ монастырѣ“ и проф. И. А. Шляпкина: „О сохраненіи и собираніи изразцовъ“. И. В. Баженовъ сдѣлалъ докладъ „О Воскресенской церкви, что на Дебри въ гор. Костромѣ“ и И. А. Ивановъ о „Голландскихъ надписяхъ на колоколахъ“. Интересъ церковно-археологическій имѣли также и доклады проф. И. Я. Гурланда „О ракѣ св. мощей Василія и Константина въ Ярославскомъ Успенскомъ соборѣ (1665 г.) и С. П. Писарева „О святомъ князѣ Андреѣ“.

По архивному дѣлу былъ прочитанъ лишь одинъ докладъ г. Снѣжневскимъ „О дѣятельности архивныхъ комиссій“.

Наиболѣе богатой докладами являлась на съѣздѣ *секція историческая*. Сюда относились рефераты А. А. Садовскаго „О населенныхъ пунктахъ Нижегородской губерніи XVII вѣка“, проф. М. А. Липинскаго „О несвободномъ земледѣльческомъ населеніи въ началѣ XVII вѣка по даннымъ угличскихъ писцовыхъ книгъ“, проф. С. Ѳ. Платонова „Топографія Углицкаго Кремля въ XVI—XVII вѣкахъ“, проф. И. А. Гурланда „О можжевеловой повинности въ Ярославскомъ уѣздѣ во вторую половину XVII вѣка“, д-ра русской исторіи Н. Д. Чечулина „Къ вопросу о распространеніи въ московскомъ государствѣ иноземныхъ вліяній“ и проф. Е. В. Барсова „Изъ исторіи колонизаціи и культуры Ростовскаго края“.

Остатки живой старины были выдѣлены на съѣздѣ въ особую секцію, въ которой были сдѣланы доклады академикомъ профессоромъ А. И. Соболевскимъ подъ заглавіемъ „Откуда шло русское колонизаціонное движеніе въ Ростово-Суздальской землѣ по даннымъ діалектологіи“, В. А. Андронниковымъ „Живая старина въ Комстромской губерніи“, проф. И. А, Шляпкинымъ „Объ изданіи сборника древнихъ вещевыхъ надписей“ и В. И. Колосовымъ „О надписи на Стерженскомъ крестѣ“.

Засѣданія съѣзда происходили утромъ и вечеромъ, въ промежуткахъ же между ними члены съѣзда дѣятельно знакомились съ мѣстными памятниками древности, главнымъ образомъ съ храмами и фресковой въ нихъ живописью. Были осмотрѣны церкви св. пророка Иліи, Спасскій монастырь, храмъ Св. Іоанна Предтечи въ Толчковѣ, древнія ростовскія церкви и Толгскій монастырь, въ пяти верстахъ отъ котораго, близь села Михайловскаго были произведены раскопки пяти кургановъ, извѣстныхъ въ народѣ подъ именемъ „Гурбановъ“ и двухъ кургановъ въ мѣстности „Горелый Боръ“.

Наконецъ, при съѣздѣ была устроена небольшая археологическая выставка, въ которой приняли участіе архивныя комиссіи: тверская, костромская, нижегородская и ярославская и извѣстный московскій коллекціонеръ П. И. Щукинъ. Выставка состояла: изъ предметовъ, каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ: доисторической эпохи въ Костромской губерніи, собранныхъ членомъ мѣстной ученой архивной комиссіи г. Бокаревичемъ и его женой; изъ этнографичекаго отдѣла Костромской губерніи, изъ церковнаго отдѣла составленнаго изъ экспонатовъ всѣхъ комиссій и содержавшаго древнія иконы и другіе церковные предметы; изъ отдѣла историческаго, куда вошли рукописи разныхъ мѣстныхъ архивовъ и, особенно, созданный покойнымъ Н. Н. Селифонтовымъ „Романовскій отдѣлъ“, заключающій данныя относящіяся къ предкамъ царствующаго дома Романовыхъ“, а также планы, карты и старинные виды Ярославля, Ростова и др. городовъ края.

Таковы внѣшнія рамки дѣятельности перваго областного археологическаго съѣзда въ Ярославлѣ. Въ настоящее время мы позволимъ себѣ познакомить читателей съ характеромъ работъ съѣзда, изложивъ вкратцѣ содержаніе наиболѣе выдающихся докладовъ и заключеніи, къ какимъ пришелъ съѣздъ по вопросамъ возбуждавшимся этими докладами.

Вопросъ о эволюціи, распространившейся за послѣднія десятилѣтія такъ широко въ научныхъ изслѣдованіяхъ, былъ затронутъ графомъ А. А. Бобринскимъ въ докладѣ „О нѣкоторыхъ символическихъ знакахъ, общихъ первобытной орнаментикѣ всѣхъ народовъ Европы и Азіи“. Этотъ интересный докладъ возбуждаетъ совершенно новый вопросъ въ области археологіи. Схема его такова. Докладчикъ сомнѣвается въ самобытности происхожденій орнамента и общепринятое раздѣленіе его на египетскій, ассирійскій, византійскій, русскій, германскій и т. п. и признаетъ дѣломъ чисто условнымъ. Тщательно, какъ выразился онъ „извлекая корни“ изъ каждаго современяаго орнамента, можно открыть въ его стилизованныхъ формахъ первоначальные основные мотивы его, и эти первоначальные мотивы оказываются общими *всѣмъ* народамъ стараго свѣта. Эти основныя черты орнаментовъ всѣхъ народовъ можно назвать *всемірнымъ орнаментомъ*. Такимъ образомъ оказывается, что всѣ орнаменты развились изъ однихъ и тѣхъ же немногихъ общихъ формъ, которыя, проходя чрезъ стилизацію и далѣе чрезъ всевозможную его диференціацію, путемъ такой эволюціи приводятъ первоначальный рисунокъ къ формамъ, которыя, повидимому, не имѣютъ ничего общаго съ первообразомъ, но которые тѣмъ не менѣе всегда таятъ свои первобытныя, общія всему человѣчеству черты. Какъ примѣръ такого открыванія основныхъ чертъ докладчикъ взялъ орнаментъ извѣстный подъ именемъ *свастики*. Этотъ орнаментъ остается загадкою по сіе время, вызывающею разнообразныя объясненія. Такіе ученые, какъ Шлиманъ и Вильсонъ и др. видятъ въ немъ символъ солнца, женщины и т. д. Между тѣмъ послѣдовательный анализъ этого таинственнаго рисунка открываетъ въ немъ постепенно стилизовавшееся изображеніе летящей птицы. Происхожденіе этого рисунка графъ остроумно объясняетъ изображеніемъ аиста, благодѣтеля первобытнаго человѣка въ его борьбѣ со множествомъ змѣй и другихъ пресмыкающихся въ первоначальной родинѣ человѣчества Азіи. Сославшись на свидѣтельство Шлимана и Весслера о страшномъ и теперь обиліи змѣй на югѣ, о жестокой борьбѣ съ ними людей и объ огромной роли въ этой борьбѣ аистовъ, графъ объясняетъ этимъ также и поэтическія мифы древнихъ о птицахъ, о змѣяхъ и драконахъ. Иллюстрируя свои объясненія при помощи иллюминованныхъ картограммъ, графъ наглядно показалъ, какъ изображеніе змѣи первоначально въ видѣ волно-

образной линіи, летящей птицы въ видѣ двухъ перекрещивающихся кривыхъ (видъ летящаго аиста воспроизведенный моментальной фотографіей имѣетъ такую же форму), птицы на гнѣздѣ, въ видѣ квадрата съ крестомъ внутри и четырьмя точками по угламъ,—постепенно стилизовалось и эволюціонировало отъ орнамента Ассиріи (за 5000 лѣтъ до Р. Х.) чрезъ орнаментъ Египта, Финикіи, Греціи, Китая и юга Россіи, дошло до настоящаго времени и встрѣчается какъ въ орнаментировкѣ крестьянской одежды и сельской архитектуры, такъ и въ орнаментѣ такихъ памятниковъ зодчества, какъ Кіевско-Софійскій соборъ, соборы Владиміра, Ярославля и др. Такимъ образомъ „розы“ и „гвоздики“ современнаго орнамента дагестанскаго ковра, какъ думаетъ графъ, не имѣютъ ничего общаго съ этими цвѣтами, и открываютъ начертанія птицы и змѣи. Въ параллель съ анализомъ постепеннаго изображенія птицы и змѣи, графъ провелъ эволюцію первобытныхъ изображеній оленя, лани, пятенъ на ихъ тѣлѣ и т. п. Греческой легендой объ Антигонѣ, у которой волосы были обращены въ змій, объ индѣйскомъ змѣѣ гонителѣ Богѣ Горуда, ссылками на греческихъ философовъ и ученыхъ разныхъ эпохъ (Шлимана, Мерана, фонъ-денъ-Штейна и др.); графъ прекрасно раскрылъ свою гипотезу, которая по мѣрѣ развитія идеи, переставала походить на фантазію и пріобрѣтала характеръ достовѣрности, захватывая вниманіе слушателей, какъ этюдъ объ одной изъ формъ эволюціи человѣческаго творчества и какъ одинъ изъ ключей къ тайнѣ первобытнаго искусства.

Къ области доисторической археологіи относились и сообщенія члена Костромской ученой архивной комиссіи Н. М. Бекаревича „О каменномъ вѣкѣ“, „Курганныхъ раскопкахъ“ и „Городищахъ“ въ Костромской губерни. Систематическія изслѣдованія Костромской губерни въ доисторическомъ отношеніи были предприняты мѣстной ученой архивной комиссіей болѣе десяти лѣтъ тому назадъ; за этотъ періодъ времени изслѣдовано болѣе 1,200 могилъ и 84 кургана, расположенныхъ въ 55 селеніяхъ въ 13 волостяхъ, преимущественно въ районѣ Костромского уѣзда. Расположеніе этихъ разнородныхъ земельныхъ памятниковъ, ихъ наружный видъ, способы погребенія и находимые въ могилахъ предметы, даютъ основаніе отнести большую часть погребеній къ IX—X вѣку. По даннымъ же кранеологіи значительное большинство погребеній должно быть отнесено къ финскому племени меря и черемисамъ, а меньшинство принадле-

жавшимъ болѣе позднимъ насельникамъ края—славянамъ. Такимъ образомъ произведенныя раскопки позволяютъ сдѣлать предположеніе, что Костромская губернія пережила всѣ фазисы первобытной жизни, и дальнѣйшія работы въ этой области должны подкрѣпить эти первоначальные выводы и опредѣлить болѣе точно составъ и мѣстожительство довольно пестраго населенія Костромской губерни въ доисторическую эпоху.

Въ отдѣлѣ христіанскихъ древностей обратили на себя вниманіе доклады священниковъ Соколова и Словцова, объединенные одной идеей — заботой объ охраненіи памятниковъ христіанской археологіи. Этотъ важный вопросъ былъ возбужденъ на съѣздѣ о. С. Соколовымъ въ докладѣ „О мѣрахъ охраненія церковныхъ памятниковъ". Отмѣтивъ обиліе древнихъ предметовъ и актовъ, скопляющихся въ православныхъ храмахъ, указавъ, съ какою тщательностью въ старину причты храмовъ заботились объ обогащеніи ихъ ризницъ, алтарей и иконостасовъ предметами рѣдкости и цѣнными, поощряя къ пожертвованію ихъ прихожанъ, а также отмѣтивъ и паростаніе въ архивахъ церквей актовъ прихода, о. Соколовъ указалъ, въ какомъ часто небреженіи хранятся теперь во многихъ мѣстахъ въ храмахъ эти предметы, особенно акты. Докладчикъ — усердный изслѣдователь старины по этимъ актамъ, прекрасно понимая ихъ цѣнность для такихъ изслѣдованій, настаивалъ предъ съѣздомъ на неотложный и насущной необходимости принять мѣры для сбереженія этихъ археологическихъ цѣнностей. По мнѣнію референта существующихъ церковныхъ актохранилищъ недостаточно,—необходимо вездѣ образовать епархіальные комитеты изъ духовныхъ особъ для составленія точныхъ описей и охраненія находящихся въ церквахъ предметовъ и актовъ. Этимъ же комитетамъ слѣдуетъ предоставить право воспрещать перестройки древнихъ церковныхъ зданій въ новомъ стилѣ. На сколько своевременно и неотложно предложеніе о. Соколова всего нагляднее было видно изъ описанія о. Сырцовымъ нынѣшняго печальнаго состоянія одного изъ важныхъ археологическихъ древностей, усыпальницы Годуновыхъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ.

Тѣмъ не менѣе съѣздъ призналъ учрежденіе епархіальныхъ комитетовъ тамъ, гдѣ есть ученыя общества и архивныя комиссіи дѣломъ излишнимъ и даже вреднымъ, по слѣдующимъ соображеніямъ. Въ существующихъ ученыхъ обществахъ и архивныхъ комиссіяхъ можетъ на самомъ дѣлѣ принимать участіе и

епархіальное духовенство. Сверхъ того проэктируемые епархіальные комитеты, будучи составлены лишь изъ духовенства, явятся менѣе компетентными въ исторіи и археологіи, сравнительно съ архивными комиссіями, которыя къ тому же, при постоянномъ притокѣ членовъ, постоянно самообновляются и потому живутъ болѣе свѣжо и дѣятельно, чего не можетъ быть въ епархіальныхъ комитетахъ при ихъ сравнительно неподвижномъ составѣ. Наконецъ, съ учрежденіемъ новыхъ проэктируемыхъ коллегіальныхъ институтовъ расчленится комплектъ лицъ, готовыхъ принять дѣятельное участіе въ археологической работѣ, а такъ какъ таковыхъ лицъ вообще немного, то такая раздробленность является крайне не желательной въ интересахъ дальнѣйшихъ успѣховъ археологіи. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній съѣздъ высказался за предоставленіе права архивнымъ комиссіямъ собирать и памятники христіанской старины въ имѣющіеся и во вновь учреждаемые областные музеи, и объ учрежденіи подобныхъ комиссій тамъ, гдѣ ихъ еще нѣтъ.

Наиболѣе обильная докладами явилась историческая секція съѣзда, освѣтившая своими трудами многія любопытныя и темныя стороны прошлой исторіи края. Въ блестящемъ докладѣ проф. Е. В. Барсова была выяснена гигантская мощь, выказанная славянскимъ племенемъ, совершившимъ великій подвигъ колонизаціи сѣверныхъ окраинъ. Колонизаторы прошли непроходимыя болота, мхи, топи, лѣса и чащи и жившія здѣсь финскія племена мирно подчинили своему культурному вліянію. Курганныя раскопки нигдѣ не говорятъ о крупныхъ побоищахъ. Быстро посреди первоначальныхъ насельниковъ края распространилось христіанство, и страхъ передъ грозными явленіями природы разсѣивается святыней креста. Уже въ XII ст. появляется первый монастырь и затѣмъ число ихъ быстро увеличивается, благодаря ихъ сельскохозяйственному укладу.

Болѣе новую эпоху края освѣтили доклады проф. Липинскаго, Чечулина и Платонова. Первый изъ нихъ выяснилъ важность экономическихъ явленій въ историческомъ изученіи прошлаго и значеніе въ этомъ отношеніи писцовыхъ книгъ. Одною изъ трудностей пользованія послѣдними являются термины, которые референтъ и пытался выяснить. Къ числу такихъ терминовъ относятся: „мужъ“, „люди“, „задворные люди“, „дѣловые люди задворные“. Терминъ „дѣловые люди“ референтъ устанавливаетъ какъ общее названіе холоповъ; „дѣловые люди

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

задворные“ — это холопы, работники — хлѣбопашцы, живущіе отдѣльно, за дворомъ господина. Вмѣстѣ съ тѣмъ было выяснено измѣненіе, происшедшее въ XVI в. въ помѣстьяхъ и вотчинахъ по отношенію къ свободнымъ людямъ, цифра которыхъ по писцовымъ книгамъ преобладаетъ въ XVII в. надъ населеніемъ несвободнымъ. Н. Д. Чучулинъ выяснилъ вопросъ объ иноземномъ вліяніи въ московскомъ государствѣ вообще и въ Ростово-Суздальской области въ частности. Временемъ наибольшаго иноземнаго вліянія до Петра былъ XVII вѣкъ, когда въ умственной работѣ русскаго народа проявился замѣтный поворотъ въ сторону европеизма. Иноземное вліяніе сначала шло изъ Польши, но съ теченіемъ времени, и политическимъ ростомъ московскаго государства, расширяется и сношеніе съ Западомъ, и въ предѣлахъ Россіи появляются добровольные переселенцы-иностранцы. Съ другой стороны вліянія этого рода оказываютъ также и проживающіе въ Россіи плѣнные и возвращающіеся изъ плѣна русскіе. Имѣются данные что во многихъ городахъ Ростово-Суздальской области жили плѣнные, но, несомнѣнно, что свѣдѣнія по этому предмету не полны, и въ выясненіи этого важнаго вопроса особенно необходимо участіе мѣстныхъ изслѣдователей; выясненіе же этого вопроса можетъ во многомъ помочь разъясненію промышленнаго и торговаго развитія края.

Огромное значеніе мѣстныхъ изслѣдователей для освѣщенія темныхъ страницъ нашего прошлаго было отмѣчено и докладомъ проф. С. Ф. Платонова „О топографіи Углицкаго Кремля въ XVI—XVII вв.“. Древніе города были въ большинствѣ случаевъ деревянные, поэтому очень часто трудно, а иногда и вовсе невозможно возстановить древнюю топографію города. Гдѣ были каменныя строенія, тамъ дѣло обстояло иначе, какъ, напр., въ Коломнѣ, Серпуховѣ. Угличъ очевидно принадлежалъ къ числу деревянныхъ городовъ въ знаменательную эпоху убіенія царевича Дмитрія. По существующимъ документамъ, знаменитому „Дѣлу 1594 г.“ и по писцовымъ книгамъ нельзя составить себѣ понятія о расположеніи той части города, гдѣ произошелъ печальный историческій актъ. Докладчикъ демонстрировалъ чертежъ, составленный имъ по масштабу на основаніи указаній вышеупомянутыхъ документовъ, и въ результатѣ получились несообразности, еще болѣе измѣняющія топографическія обстоятельства темнаго дѣла. Новыя болѣе прочныя и вѣрныя данныя будутъ получены путемъ раскопокъ, начатыхъ въ прошломъ

году въ предѣлахъ углицкаго кремля. Онѣ обнаружили на значительной глубинѣ каменный фундаментъ, который, вѣроятно, является остаткомъ бывшаго здѣсь дворца. Продолженіе этихъ раскопокъ такимъ образомъ, является въ высшей степени желательнымъ, въ виду пролитія свѣта на этотъ актъ исторической трагедіи.

Остатки живой старины были представлены съѣзду въ двухъ докладахъ академика А. И. Соболевскаго „Откуда шло колонизаціонное движеніе въ Ростово-Суздальской земли по даннымъ діалектологіи“ и В. А. Андронникова „Живая старина въ Костромской губерніи“.

Въ началѣ своего доклада А. И. Соболевскій выяснилъ значеніе лѣтописныхъ данныхъ по разсматриваемому вопросу. Эти данныя вѣрно опредѣляютъ расположеніе племенъ, населявшихъ сѣверный край нынѣшней Россіи и, въ частности, Ростово-Суздальскую область но о самомъ движеніи племенъ въ лѣтописи нѣтъ свѣдѣній. Въ виду этого при рѣшеніи вопроса о заселеніи Ростово-Суздальской области русскими необходимо прибѣгать къ другимъ средствамъ, пользоваться данными языка. Діалектическія различія мѣстныхъ говоровъ могутъ, по мнѣнію А. И. Соболевскаго,—дать надежныя указанія для рѣшенія вопроса. Первымъ признакомъ для различія великорусскихъ говоровъ является присутствіе или отсутствіе въ нихъ *аканья*: сообразно съ этимъ, говоры дѣлятся на *акающіе* и *окающіе*. Но въ виду того, что это различіе не древняго происхожденія, оно не имѣетъ значенія при рѣшеніи даннаго вопроса. Гораздо важнѣе различіе русскихъ говоровъ на *цокающіе* и *нецокающіе*. Это различіе подмѣчается уже въ памятникахъ XI вѣка, затѣмъ XII и далѣе. *Цоканье* замѣчается въ земляхъ—Новгородской, Псковской, Полоцкой, Смоленской, и Двинской; но ни въ одномъ памятникѣ, относящемся къ Ростовской, Суздальской, Нижегородскимъ землямъ *цоканья* нѣтъ, хотя памятники этихъ земель сохранились отъ древнѣйшихъ временъ. Итакъ, въ Ростово - Суздальской области *цоканья* не знали, слѣдовательно, нѣтъ основанія предполагать, что населеніе этой области вышло изъ Новгородской земли, гдѣ распространены цокающіе говоры. Слѣдуетъ думать, что это населеніе вышло съ р. Оки,—т. е., что это были потомки древнихъ вятичей.

Но не вся Ростово-Суздальская область заселена этимъ племенемъ. Западный уголъ ея,—по мнѣнію акад. Соболевскаго,—

населенъ потомками *кривичей* изъ Смоленской земли. Это устанавливается слѣдующимъ образомъ.

Докающіе говоры дѣлятся на 3 главныя группы: первая, характеризующаяся частой замѣной *ѣ* посредствомъ *и*, распространена въ Архангельской, Олонецкой и частью Новгородской губ.; вторая отличающаяся замѣной *в* краткимъ *у*, распространено по Двинѣ (напр., въ Вологодской губ.) наконецъ третья, *дзекающая* группа (отличается замѣной *т* черезъ *тс* и *д* черезъ *дз*) распространена въ Бѣлоруссіи, въ Череповецкомъ уѣздѣ и въ нѣкоторыхъ частяхъ Ростово-Суздальской области—въ нынѣшнихъ тверскомъ, новоторжскомъ, мологскомъ и пошехонскомъ уѣздахъ. Такимъ образомъ, надо полагать, что эта часть Ростово-Суздальской области и была заселена выходцами изъ Бѣлоруссіи—изъ Смоленской и смежныхъ съ нею земель, гдѣ обитали *кривичи* и ихъ потомки. Далѣе, въ виду того, что въ основномъ говорѣ Ростово-Суздальской области вкраплены *цокающія* мѣста, ясно что въ позднѣйшія времена сюда приходили колонисты изъ Новгородской земли. Точно также діалектологическія данныя даютъ указанія и на то, что и сѣверная заволжская часть края была тоже колонизована изъ Новгородской и Двинской земли.

Приведенные взгляды А. И. Соболевскаго на вопросъ о колонизаціонномъ движеніи въ Ростово-Суздальской землѣ по даннымъ діалектологіи встрѣтилъ на съѣздѣ серьезныя возраженія со стороны историка Д. И. Иловайскаго и профессоровъ С. Ѳ. Платонова, С. М. Середонина и др. Послѣдній изъ упомянутыхъ оппонентовъ, между прочимъ, указалъ на то, что приведенными данными не устанавливается время, когда собственно стала заселяться Ростово-Суздальская область. Если, какъ высказалъ А. И. Соболевскій, это произошло въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка, то лѣтопись еще ранѣе знаетъ здѣсь русскія поселенія, именно въ X вѣкѣ. Кромѣ того вятичи въ лѣтописи являются мимоходомъ, какъ незначительное племя, и едва ли, такимъ образомъ, въ XII вѣкѣ они могли составить главную основу населенія этой области.

Не менѣе существенны были возраженія и другихъ оппонентовъ, и въ результатѣ была установлена гипотетичность высказаннаго докладчикомъ мнѣнія и въ значительной степени поколеблены тѣ данныя, на которыхъ онъ основывался въ своихъ выводахъ.

Не меньшимъ интересомъ отличался докладъ В. А. Андро-

никова подъ заглавіемъ „Живая Старина въ Костромской губерни“. Готовясь къ первому областному съѣзду, Костромская губернская ученая архивная комиссія составила рядъ вопросовъ (27) по этнографіи и обычному праву костромской губерни, которые и были разосланы мѣстнымъ любителямъ исторіи и старины, а также и всѣмъ народнымъ учителямъ и учительницамъ, и сельскому духовенству, съ приглашеніемъ доставить свѣдѣнія по даннымъ вопросамъ. На это обращеніе въ теченіи полугода поступило болѣе трехъ сотъ отвѣтовъ по преимуществу отъ народныхъ учителей и учительницъ. Обработку полученныхъ данныхъ комиссія поручила одному изъ своихъ сочленовъ, г. Андронникову, докладъ котораго и явился результатомъ этой работы при чемъ въ виду обширности и разнообразности матеріала и краткости срока, докладчикъ ограничилъ свою задачу освѣщеніемъ лишь переживаній въ *свадебныхъ обрядахъ*, сохранившихся въ сельскомъ населеніи Костромской губерніи. Референтъ устанавливаетъ фактъ разнообразныхъ переживаній отдаленной старины въ нынѣшнихъ свадебныхъ обрядахъ. Онъ утверждаетъ, что древніе игрища воплотились въ вечеринкахъ молодежи, сопровождаемыхъ нѣкоторыми обычаями, прямо указывающими на отдаленную старину. Что же касается до свадебныхъ обрядовъ, то къ числу переживаній, между прочимъ, относятся слѣдующіе обычаи, записанные изслѣдователями въ разныхъ мѣстахъ губерніи: купля—продажа невѣсты; сватовство происходящее по вечерамъ; сваты исполняютъ свои обязанности, не раздѣваясь; дружки входятъ въ домъ не сразу, а продѣлавъ въ дверяхъ нѣкоторыя движенія, напоминающія борьбу, молодыхъ выводятъ изъ дому черезъ скотный дворъ; невѣсту кладутъ въ сани или телѣгу и укрываютъ, а въ одной мѣстности дружка даже садится на укрытую невѣсту (чтобы не убѣжала); свадебный поѣздъ движется съ чернаго двора; свадебному поѣзду заграждаютъ дорогу; во время брачнаго пира вносятъ въ избу и ставятъ по срединѣ елку (имитація лѣса) и мн. др. По выслушаніи интереснаго доклада г. Андронникова, предсѣдатель собранія А. И. Соболевскій выразилъ желаніе, поддержанное и съѣздомъ, чтобы при изданіи матеріаловъ они были сгруппированы не по административнымъ территоріямъ а по этнографическимъ группамъ.

Наиболѣе слабо были представлены на съѣздѣ вопросы архивовѣдѣнія, въ единственномъ докладѣ по этому отдѣлу

программы г. Снѣжневскаго. Референтъ представилъ очеркъ законодательства объ архивныхъ комиссіяхъ, очеркъ дѣятельности этихъ учрежденій за время ихъ существованія и нѣкоторыя соображенія о желательной постановкѣ архивнаго дѣла въ Россіи. Это сообщеніе не вполнѣ удовлетворило требованіямъ членовъ съѣзда, причемъ было намѣчено вопросы архивовѣдѣнія положить въ основаніе задачъ слѣдующаго съѣзда, который предположено собрать въ 1903 году въ Твери.

Остальные, доклады касаясь различныхъ вопросовъ исторіи и археологіи края, имѣли болѣе мѣстное значеніе. Тѣмъ не менѣе, затронутые ими вопросы, представляли серьезную важность, какъ необходимая основа при построеніи общихъ выводовъ и системъ. Эта послѣдняя работа и была до извѣстной степени, произведена съѣздомъ, благодаря присутствію передовыхъ представителей современнаго русскаго историческаго знанія. Предложенные вниманію съѣзда этими сообщеніями факты и явленія областной исторіи и археологіи и нѣкоторые выводы къ нимъ, получили правильное научное освѣщеніе. Замѣчательному успѣху занятій съѣзда въ этомъ отношеніи особенно способствовало то, что присутствовавшіе на немъ двѣ группы членовъ: наиболѣе видные дѣятели пяти сосѣднихъ губерній и представители современнаго знанія въ области исторіи и археологіи, съумѣли уловить принадлежавшую имъ на съѣздѣ роль и дружной работой положили прочное основаніе новому авторитетному учрежденію, потребность въ которомъ давно уже чувствовалась и которому нынѣ суждено стать руководителемъ всѣхъ работъ въ предѣлахъ важнѣйшей въ историческомъ отношеніи русской территоріи.

Нѣтъ, конечно, основаній сомнѣваться, что этотъ счастливый примѣръ найдетъ подражаніе въ другихъ областяхъ нашего обширнаго отечества на пользу русскаго просвѣщенія.

Н. Арепьевъ.